

ФГБОУ ВО «БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
ФОНД РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ (ФИЛИАЛ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

**МУЖСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РАБОТЫ И СЕМЬИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
И ПРАКТИКИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

1-2 октября 2020 г.
г. Уфа, Республика Башкортостан

УДК 316.32+39
ББК 60.52+63.5
М89

*Данное издание осуществлено при содействии
филиала Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в Российской Федерации
и распространяется бесплатно*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.И. Уразова, директор Института истории и государственного управления БашГУ, к.ист.н., доцент; **И.В. Фролова**, заместитель директора Института истории и государственного управления по научной работе БашГУ, д.филолос.н., профессор; **Ф.Б. Бурханова**, главный научный сотрудник Башкирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, д.соц.н., профессор кафедры социологии и работы с молодежью факультета философии и социологии БашГУ; **Р.Х. Лукманова**, профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения Института истории и государственного управления БашГУ, д.филолос.н., доцент; **З.Л.Сизоненко**, доцент кафедры государственного управления Института истории и государственного управления БашГУ, к.соц.н., доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: **И.В. Фролова**, д.филолос. н., проф.

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов данного сборника
Мнение авторов может не совпадать с позицией Фонда*

М89 Мужское измерение работы и семьи в современном мире: государственная политика и практики повседневности : Сборник материалов Междунар. науч.-практич. конф. / под общ. ред. И.В. Фроловой. — Уфа: Инеш, 2020. — 196 с. ISBN 978-5-6041458-4-5

В сборнике представлены материалы Международной научно-практической конференции «Мужское измерение работы и семьи в современном мире: государственная политика и практики повседневности», состоявшейся в Уфе 1-2 октября 2020 года. Рекомендуется ученым, научным сотрудникам, преподавателям, студентам, а также специалистам, интересующимся теорией и методологией мужских исследований, государственным регулированием мужской занятости; балансом работы и семьи у современных мужчин; практиками вовлеченного отцовства.

ISBN 978-5-6041458-4-5

© Коллектив авторов, 2020
© ФГБОУ ВО «БашГУ», 2020
© ООО «Издательство «Инеш», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5

Раздел 1. ДИСКУРС МАСКУЛИННОСТИ

<i>Е.А. Здравомыслова.</i> Позднесоветский дискусивный кризис маскулинности – наше наследие?	8
<i>Б.Ю. Кагарлицкий.</i> Кто такие «белые мужчины» в США. Как за гендерным дискурсом скрывается классовый	16
<i>Линда Сердейра.</i> Разработка гендерно-трансформирующих программ. Вовлечение мужчин и мальчиков в процесс трансформации гендерной несправедливости	20
<i>А.Б. Бушев.</i> Образы мужчин и дискус-анализ мировых масс-медиа	25

Раздел 2. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ VS ОТЦОВСКАЯ ВОВЛЕЧЕННОСТЬ

<i>Е.Ю. Рождественская.</i> На пути к заботливому отцу: концептуализация современного отцовства	31
<i>И.В. Ломакин.</i> Не-отцы: добровольно бездетные мужчины в слепом пятне исследований	41
<i>Р.Х. Лукманова.</i> Вовлеченное отцовство (на примере конкретной семьи)	51
<i>Ф.Б. Бурханова, З.Л. Сизоненко, В.Л. Курина, Л.К. Рашитова, Р.Р. Шаяхметова.</i> Работа и семья: в поисках баланса (опыт конкретного социологического исследования сферы высшего образования Республики Башкортостан)	55
<i>Ч.И. Ильдарханова.</i> Актуальные социально-демографические проблемы российских мужчин в контексте их генеративного поведения	74
<i>О.Н. Калачикова.</i> «Экономический фактор» вариативности моделей отцовства	82

Раздел 3. МАСКУЛИННОСТЬ И ОТЦОВСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

<i>Ю.В. Солёнов.</i> «Союз отцов»: вчера, сегодня, завтра	89
<i>Т.А. Резвушкина, Н.В. Карасева.</i> Отцовство в современном Казахстане: могу, но не хочу	96
<i>С.М. Поздязева.</i> Мужчина в современном обществе: гимн традиционализму или новое отцовство?	109

<i>Г.Г. Хисматуллина. Вовлеченное отцовство: от мужественной заботы к заботливому мужчине. . . . .</i>	<i>114</i>

Раздел 4. НА ПУТИ К ГЕНДЕРНОМУ РАВНОПРАВИЮ

<i>И.В. Фролова. Эволюция или революция: изменение «мужской роли» (от позднесоветских практик – к постсоветским реалиям) . . . . .</i>	<i>120</i>
<i>С.Д. Гуриева, Л.В. Марарица, Т.В. Казанцева. Социальные и организационные факторы проявления гендерного неравенства в организации . . . . .</i>	<i>126</i>
<i>Р.А. Торосян. Проблемы гендерного равенства в пенсионных правоотношениях . . . . .</i>	<i>134</i>
<i>И.М. Габитов. Рыночные принципы и их влияние на поведение мужчин и женщин . . . . .</i>	<i>140</i>

Приложение 1.

<i>Бурханова Ф.Б., Сизоненко З.Л., Курина В.Л., Рашитова Л.К., Шаяхметова Р.Р., Ваганов Р.Р., Кильмаматов Р.Р., Сухарев А.В., Султангулов В.Р., Мусакаева Р.Р., Зарипова В.В. Баланс работы и семьи у мужчин и женщин (на примере сферы высшего образования Республики Башкортостан). Отчет о социологическом исследовании . . . . .</i>	<i>146</i>
<i>Введение . . . . .</i>	<i>147</i>
<i>Раздел 1. Баланс работы и семьи у мужчин и женщин в сфере высшего образования: теоретические аспекты и постановка проблемы . . . . .</i>	<i>147</i>
<i>Раздел 2. Баланс работы и семьи у мужчин и женщин в сфере высшего образования: анализ качественных данных . . . . .</i>	<i>165</i>
<i>Приложение 1.1. . . . .</i>	<i>185</i>
<i>Приложение 1.2. . . . .</i>	<i>190</i>

20. *Miller, T.* (2011). *Making sense of fatherhood: Gender, caring and work.* London, UK: Cambridge University Press.
21. *Ostner I., Lewis J.* *Gender and the evolution of European social policies* // S. Leibfried and P. Pierson (Eds.), *European social policy.* Washington, D.C. Brookings Institute. 1995. P. 159–193
22. *Parke R D* 1996 *Fatherhood.* Harvard University Press, Cambridge, MA; *Pleck J H* 1997 *Paternal involvement.* In: Lamb M E (ed.) *The Role of the Father in Child Development,* Wiley, New York, pp. 66–103
23. *Pleck, J. H.* (1981). *The myth of masculinity.* London, UK: MIT Press.
24. *Pleck, J. H.* (1997). *Paternal involvement: Levels, sources and consequences.* In M.E. Lamb (Ed.), *The role of the father in child development* (pp. 66–103). New York: Wiley Publications.
25. *Popenoe, D.* (1996): *Life without father: Compelling new evidence that fatherhood and marriage are indispensable for the good of children and society.* New York
26. *Russell, G.* (1986). *Primary caring and role sharing fathers.* In M.E. Lamb (Ed.), *The father's role: Applied perspectives* (pp. 29–57). New York, NY: John Wiley and Sons;
27. *Tazi-Preve, Mariam Irene / Kapella, Olaf / Kaindl, Markus / Klepp, Doris / Krenn, Benedikt / Seyyed-Hashemi, Setare / Titton, Monica* (2007): *Väter im Abseits. Zum Kontaktabbruch der Vater-Kind-Beziehung nach Scheidung und Trennung.* Wiesbaden
28. *Walter, Heinz* (2008): *Das Echo der Vatersuche.* In: *Walter, Heinz* (Hrsg.): *Vater wer bist du? Auf der Suche nach dem »hinreichend« guten Vater.* Stuttgart, S. 9–44
29. *Williams, S.* (2008): *What is fatherhood? Searching for the reflexive father.* *Sociology* 42 (3), pp. 487–502.

УДК 314.372.23

И. В. Ломакин

I. Lomakin

*Всероссийский центр изучения общественного мнения
(г. Москва, Россия); Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)*

НЕ-ОТЦЫ: ДОБРОВОЛЬНО БЕЗДЕТНЫЕ МУЖЧИНЫ В СЛЕПОМ ПЯТНЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

NON-FATHERS: VOLUNTARILY CHILDLESS MEN IN A BLIND SPOT OF RESEARCH

Аннотация. В статье проблематизируется недостаток знаний о мужском опыте добровольной бездетности — причем не только в отечественном исследовательском контексте, но и в глобальном. В своих рассуждениях автор стремится объяснить, почему разговор о мужских опытах бездетности затруднен, а также повествует о том, какие изменения произошли в этом отношении за последние 20 лет. В завершение предлагается несколько направлений для дальнейших исследований.

Материал подготовлен в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

Ключевые слова: добровольная бездетность, не-родители, чайлдфри, сознательная бездетность, мужчины, Россия.

Annotation. This article problematizes the drawback of both domestic (Russian) and global knowledge about male experience of voluntary childlessness. The author seeks to explain why it is not that easy to speak on the male childlessness' experiences as well as traces key changes which occurred in this research field over the past 20 years. In conclusion, several directions for further research are proposed.

The article was prepared within the framework of the Basic Research Program of the HSE University Basic Research Program and funded by the Russian Academic Excellence Project '5–100'.

Keywords: voluntary childlessness, non-parents, childfree, intentional childlessness, men, Russia.

Занимаясь вопросами добровольной бездетности¹ уже чуть больше, чем полдесяток лет, мне неоднократно приходилось отвечать на вопрос о том, кого среди добровольно бездетных больше: мужчин или женщин? На этот вопрос есть конвенциональный ответ. Как собранные мной данные², так и находки других коллег вторят друг другу: мужчины количественно проигрывают женщинам с точки зрения представленности в структуре добровольной бездетности. Более того, исследования в области принятия репродуктивных решений в основном сосредоточены на опыте женщин и их желании (не) иметь детей [см., например: 8; 10; 28; 30]. И, самое главное, задав простой вопрос о том, «кто все это изучает», мы получим все тот же ответ: женщины. История исследований добровольной бездетности очень «женская», и полна женщинами-исследовательницами, изучающими других женщин. Эта тенденция, начиная с первых исследователей добровольной бездетности (таких как Шэррон Хаускнехт или Джен Виверс), и по сей день сохраняется, равно как сохраняется и базовая идейная укорененность движения чайлдфри³ в феминистских идеях.

---

¹ Подробнее о понятиях «добровольная бездетность» и «чайлдфри» см. [3].

² Впрочем, качественные и не претендующие на репрезентативность в ее статистическом смысле.

³ Имеется в виду движение людей, осознанно выбравших отказ от заведения детей в качестве собственной репродуктивной стратегии, рассматривающих этот выбор как часть собственной идентичности и в той или иной форме отстаивающих свои социально-политические права на него. Если офлайн- и тем бо-

Подчеркну, что в данной работе я ни в коем случае не преследую идею обвинения кого-либо и не стремлюсь переписать историю исследовательского поля. Тем не менее, я пытаюсь (1) обратить внимание на, как мне кажется, еще не отрефлексированную ситуацию в исследовательском поле, (2) понять, почему разговор о мужских опытах бездетности затруднен, (3) и подумать, что с этим можно сделать. Конечно, в слепом пятне исследований в определенной степени оказываются и мужчины, чья бездетность носит вынужденный характер [13]. Однако в данной работе я поведу речь о тех мужчинах, которые в своей жизненной перспективе реализацию собственных репродуктивных возможностей не видят и предпринимают любые меры для того, чтобы детей у них не появилось.

Почему мужчин так долго не изучали?

Вышедшее в 2018 году крупное систематическое исследование социально-исторических и геополитических аспектов производства знания о добровольной бездетности показало, что значимая доля исследований посвящена белым замужним гетеросексуальным женщинам, имеющим ряд социальных привилегий и живущих в странах так называемого «глобального Севера»¹ [23: 33]. Нетрудно догадаться, что такое положение дел не только не отражает гендерных различий, но и ведет к сглаживанию и, следовательно, искажению регионального и межстранового разнообразия. Все это, в свою очередь, влечет за собой опасность экстраполяции выводов, верных для относительно небольшой группы людей, на более широкий уровень. Важно заметить, что изучение добровольной бездетности по-прежнему остается прерогативой североамериканских и западноевропейских государств, а включающиеся в данную исследовательскую повестку новые страны и регионы, как правило, бездумно заимствуют готовые концептуальные рамки и далеко не всегда готовы интериоризировать понятийный аппарат [3]. Держа в уме факт сильного смещения исследований (особенно, пионерных), на которые мы вынуждены ссылаться, в части состава их выборки, локализи-

---

лее онлайн-сообщества чайлдфри существуют во многих странах мира (в т.ч. и в России), то их оформление в движение редко имеет место. Каноническими примерами, как правило, выступают североамериканские движения добровольно бездетных и, в частности, Национальная организация для не-родителей (National Organization for Non-Parents – NON), внутри которой и был впервые разработан и применен термин *childfree*. См. подробнее: [16].

¹ Следует также обратить внимание, что рефлексия политизированных на волне политик равенства и проблематизированных в терминах «прав человека» аспектов жизни общества, коим является добровольная бездетность, свойственна обществам с развитой постматериальной культурой [1]. В этом плане то, что основной корпус исследований по добровольной бездетности базируется на собранных в странах Западной Европы и Северной Америки данных, не случайно.

рованности, а также социокультурного бэкграунда производящих знание исследователей, двинемся дальше.

В последние годы исследователи добровольно бездетного образа жизни стали, тем не менее, более рефлексивно относиться к гендерной принадлежности исследуемых и структуре выборов. Гендер сегодня имеет значение и, как пишет Эми Блэкстоун, «безусловно, играет значимую роль в оформлении <...> свободного от детей опыта жизни и в том, как другие на этот выбор реагируют» [6: xvii-xviii]. В своей книге «Childfree by Choice: The Movement Redefining Family and Creating a New Age of Independence» (Dutton, New York, NY) Блэкстоун приводит многочисленные цитаты ее бесед с информантами. Одна из них, как мне кажется, очень хорошо иллюстрирует то, о чем я веду речь:

«Доун сказала мне, что прекрасно осознает, что сделала выбор, который другие считают для женщин “неестественным”. Она пояснила: “Люди по-особенному смотрят на женщин, у которых нет детей. ... Как будто им чего-то недостает. По крайней мере, по ощущениям это именно так. Многие в моей семье с подозрением смотрят на женщин, у которых нет детей”. Доун продолжила: “Люди больше осуждают женщин без детей. Для женщин дети являются символом статуса. Для мужчин все иначе. Люди не смотрят свысока на бездетных мужчин”» [там же: 93].

Из отрывка интервью следует, что в восприятии бездетности (и в т. ч. добровольной) существуют двойные гендерные стандарты. Это, в целом, широко разделяемая точка зрения о том, что способность к воспроизводству и реализация родительской функции по-прежнему остаются более важными для социальной идентичности женщины, нежели мужчины. Последнее, в свою очередь, ведет к гендеризированному конструированию бездетности и ее большему осуждению для женщин [см., например: 1; 5; 11]. Пронаталистская политика и зашитые в культуру соответствующие ценности при разговоре о (без)детности «неизбежно» высвечивают, в первую очередь, женское фертильное тело [9; 14].

Как результат, исследовательский интерес к мужскому опыту бездетности оказывается весьма скудным и вынесенным на периферию. Между тем, добровольно бездетные мужчины существуют и точно так же, как и женщины, встречают недопонимание в кругу друзей и на работе, точно так же подвергаются обвинениям в эгоизме, так же разделяют страхи умереть в одиночестве, и т. д. И хотя вероятно, что мужчины в данном случае получают своего рода «патриархальные дивиденды», сталкиваясь с такими дискурсами реже, все это не отменяет того, что перечисленные проблемы реальны и актуальны для обоих полов [6: 225–232].

Постепенно появляющиеся количественные сравнительные исследования дают представление о двойных стандартах, их особенностях и степени распространения. Большое кросс-страновое исследование, основанное на репрезентативных данных Европейского социального

исследования (2006), указало на гендерные особенности в восприятии добровольной бездетности разными европейскими обществами [27]. Так, в Европе в целом мужская бездетность оказалась более общественно порицаемой, нежели бездетность женская (sic!), причем такой двойной стандарт поддерживался, в первую очередь, женщинами. Данное утверждение оказалось верным в том числе и для стран с низким уровнем гендерного равенства (куда также была включена Россия)¹: наибольший уровень осуждения добровольной бездетности показывали женщины — по отношению к другим женщинам и (почти столь же часто) к мужчинам [там же: 475–480]. Сами авторы видят объяснение более сильного осуждения не-отцовства в том, что мужской добровольно бездетный выбор выглядит менее понятным и эгоистичным в связи с, как правило, меньшей вовлеченностью в процесс воспитания и отсутствием биологической необходимости по вынашиванию плода [там же: 479]. Представляется также важным добавить, что сохраняющаяся гетеронормативность европейских обществ нередко порождает стигматизацию мужской бездетности — особенно, совмещенной с проживанием соло.

Так или иначе, долгое время находившись в глубокой тени женских репродуктивной и родительской ролей, поле опыта бездетных мужчин оставалось практически нетронутым. В итоге — что мы определенно знаем о добровольно бездетных мужчинах, так это то, что их опыт добровольной бездетности отличается от женского. Его более глубокому изучению сегодня начинает уделяться все больше внимания, а обсуждаемые сюжеты ждут своих исследователей — заинтересованных и вдумчивых.

Куда движутся современные исследования не-отцовства?

Хотя активные исследования добровольной бездетности оформились еще в начале 1970-х гг. [23], первая монография, специально сфокусированная на аспекте добровольной бездетности среди мужчин — «The Chosen Lives of Childfree Men» (Bergin & Garvey, Westport, CT), — была написана лишь три десятилетия спустя американской психологиней Патрицией Люннеборг [22]. В этой небольшой книге (меньше 150 страниц) она анализирует результаты 30 бесед с мужчинами британского и американского происхождения, которые полагали себя добровольно бездетными. Это были преимущественно белые и хорошо образованные мужчины, состоявшие в партнерствах; различия же между ними проходили по части возраста, религии и профессионального статуса. Книга

---

¹ Немаловажно заметить, что авторы данного исследования также обнаружили, что растущий уровень гендерного равенства в европейском контексте порождает все больше двойных стандартов в пользу женщин. В частности, двойные стандарты не были отмечены ни для одной из бывших коммунистических стран, кроме Словении [27: 479].

Люннеборг интересна не столько тем, что рассказывает о мужском опыте добровольной бездетности, сколько тем, что указывает на сильное отличие этого опыта от женского. В целом, можно сказать, что книга полна идей и гипотез для будущих исследований.

Но последние не спасли ее от критики: работу Люннеборг очень сильно раскритиковали в исследовательском сообществе. Причин было предостаточно: и фокусированность на одном измерении (отсутствие разнообразия в области расы, класса и проч.); и рекрутинг информантов через специфические общественные организации, такие как American Childless by Choice, Zero Population Growth и British Organization of Non-Parents: невольно хочется усомниться в том, что такие мужчины являются собой типичный круг взглядов добровольно бездетных¹; и спорная методология, слабый исследовательский дизайн, а также ограниченные интерпретационные схемы для описания результатов; и некорректные цитирования вкупе с сомнительными источниками вторичных данных [4; 17; 20]. Мягко говоря, не самый лучший старт для первой монографии по теме.

Тем не менее, постепенно появлялись работы, проводившие сравнения между гендерными группами. Так, данные по США показали, что образование не является значимым предиктором добровольной бездетности у мужчин, в то время как для женщин бóльшая временная продолжительность образования увеличивает шансы стать добровольно бездетной [33]. Эти же исследователи делают вывод о том, что мотивация выбора добровольно бездетного образа жизни для мужчин иная: «Тогда как для женщин основной мотивацией [добровольной бездетности — И. Л.] было высшее образование, экономическая независимость и карьерный рост, мужчинам образование и карьерный рост не мешают иметь детей» [там же: 167]. Но *какова именно* эта мотивация — вопрос открытый [29]. В свою очередь, данные австралийского панельного исследования в 2000-х годах зафиксировали, что увольнение или переход к безработице для бездетных мужчин способны стать серьезным демотиватором даже при наличии желания обзавестись ребенком [12]. Находки, базирующиеся на нидерландских данных, говорят о том, что механизм может действовать и в обратном направлении: для мужчины наличие стабильной карьеры повышает шансы мужчины стать отцом (в то время как для женщины наоборот способствует пролонгации бездетности любого свойства) [18].

К середине 2010-х годов в поле исследований добровольной бездетности наметилось очередное оживление, которое продолжается до сих пор. Было выпущено несколько качественных монографий, стали по-

---

¹ Британский исследователь Агнус Банкрофт в своей критической рецензии назвал информантов Люннеборг «воинственно бездетными» (militantly childless) [4: 478].

являться разного рода исследования добровольно бездетного образа жизни, его причин и следствий. Например, в фокус внимания попали ранее выпадавшие из поля зрения социальные группы — в частности, представители ЛГБТ [15; 32]. Появился и ряд исследований, посвященных исключительно мужскому опыту добровольной бездетности. К примеру, обнаружилось, что нидерландские мужчины, оставшиеся бездетными, имеют меньший доход по сравнению с мужчинами-отцами, но при этом чувствуют себя счастливее [19]; что продолжительность пребывания австралийского мужчины в браке/сожителстве и текущая профессиональная занятость связаны с его бездетностью, а род занятий отца/матери и уровень их образования могут впоследствии возыметь влияние на решение остаться бездетным [25]; что в Швеции растет число мужчин с низким уровнем образования и дохода, остающихся бездетными на протяжении всей жизни [7], и т.д. Тем не менее, пристальное изучение социальных предпосылок и следствий мужской бездетности только начинается, а появляющиеся работы касаются порой предельно разных аспектов, и говорить о каком-либо цельном и верифицируемом знании пока что трудно.

Куда дальше?

Какие сюжеты будут интересны для изучения в обозримой перспективе? Ниже я попытаюсь сформулировать несколько основных направлений.

Во-первых, необходимо работать на пересечении концептуальных границ, изучая точки соприкосновения и пытаюсь демаркировать понятия «маскулинности», «отцовства» и «не-отцовства». Исследования добровольной бездетности, базирующиеся на «женских» выборках, уже касались вопроса формулирования позитивной фемининной идентичности, которая была бы автономной от материнства. Например, в работе шведских исследовательниц Хелен Петерсон и Кристины Энгвалль такая новая фемининность связывалась со свойствами объяснительной модели: информантки пренебрегали рациональными аргументами или фокусом на внешних факторах бездетности¹ и делали акцент на внутренних особенностях («молчащее тело»), тем самым выстраивая различия между собой и матерями на общих биологически и телесно детерминированных основаниях [26]. Следует искать в похожем направлении и в «мужском» поле.

Во-вторых, вечно актуальным остается вопрос об интенциях информантов остаться добровольно бездетными. Особое измерение дан-

---

¹ Обычно такой аргумент является центральным для явления «сознательной бездетности» (intentional childlessness): в сравнении с «добровольной бездетностью», здесь происходит «смещение фокуса понятия на “осознанность”, подразумевающую присутствие рации» [3: 416].

ная исследовательская задача получает при рассмотрении в долгосрочной перспективе, когда мы в панельном режиме можем проследить жизненный путь наших информантов и их опыт старения в отсутствие детей [21; 31]. Не менее важно и другое сравнительное измерение — кросс-страновое и/или кросс-культурное.

В-третьих, важно обращать внимание на свойства отношений добровольно бездетного со значимыми другими. В частности, интересны романтические и сексуальные партнеры, родители, коллеги, друзья и т.д. Частным примером может послужить исследование влияния наличия/отсутствия детей на отношения со значимыми другими в детоцентристских контекстах¹. Например, известно, что рождение детей и последующий труд по уходу за ними достаточно сильно влияют на качество взаимоотношений между даже прежде самыми близкими друзьями. Но *что именно* происходит, когда в этих отношениях появляется третий — младенец?

В-четвертых, следует обратить пристальное внимание на контрацептивные практики (мотивы (не)использования барьерных контрацептивов, распространенность вазэктомии и отношение к ней и т.д.), меры по поддержанию здоровья и профилактике инфекций, передающихся половым путем, распространенные среди добровольно бездетных мужчин.

В-пятых, заниматься «мужской» добровольной бездетностью немаловажно еще и в связи с существующей литературе дискуссией о том, что мужчины имеют способность распространять бездетность [24]. Так, если в паре мужчина является убежденным добровольно бездетным, а партнерша колеблется, с высокой долей вероятности эта пара останется бездетной. Более того, в исследовательской практике автора статьи также встречались подобные случаи. Таким образом, интересны истоки, следствия и, конечно, механизмы такого рода воздействия.

* * *

Это лишь небольшой список направлений, работа в рамках которых могла бы подсветить «слепое пятно» исследований добровольной бездетности. К сожалению, российский контекст добровольной бездетности по-прежнему слабо изучен, а само исследовательское поле находится в зарождающейся фазе, и в этом смысле любое обстоятельное и вдумчивое исследование будет полезно. Включение наших локальных контекстов в существующие дискуссии представляется важным, тем более что отечественных исследователей, занимающихся обсужденными

---

¹ Важно помнить, что символическое положение ребенка в жизни общества не всегда было таким, каким мы его знаем. В этом смысле добровольная бездетность — далеко не обязательно результат радикального индивидуализма или эгоизма.

вопросами на языке международного общения — английском, — можно пересчитать по пальцам одной руки. В то же время, слабая развитость обсужденного в этой статье исследовательского фокуса создает потенциально престижные позиции для тех, кто на правах «первопроходцев» решится систематически его разрабатывать.

Вместе с распространением практик «вовлеченного отцовства» и растущим интересом к роли мужчин в воспроизводстве и воспитании детей внимание неминуемо привлекут и вопросы мужской бездетности: как добровольной, так и вынужденной. С изменением общественных установок и изменением положения/восприятия мужчины-отца будет неминуемо происходить пересмотр стереотипов, которые окружают эту изменяющуюся социальную роль. Полагаю, что сейчас прекрасный момент для того, чтобы начинать говорить более предметно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Инглхарт Р.* Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.
2. *Исупова О.Г.* Право хотеть слишком сильно: биотехнологии и репродуктивные желания // Демоскоп Weekly. 2011. № 453–454. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0453/analit02.php> (дата обращения: 25.10.2020).
3. *Ломакин И.В.* Чайлдфри или добровольно бездетные? К переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 394–436.
4. *Bancroft A.* Book Review: “The Chosen Lives of Childfree Men” by Patricia Lunneborg // *Journal of Biosocial Science*. 2001. Vol. 33. No. 3. P. 478–479.
5. *Bell A.V.* “I’m Not Really 100% a Woman if I Can’t Have a Kid”: Infertility and the Intersection of Gender, Identity, and the Body // *Gender & Society*. 2019. Vol. 33. No. 4. P. 629–651.
6. *Blackstone A.* *Childfree by Choice. The Movement Redefining Family and Creating a New Age of Independence.* New York, NY: Dutton, 2019.
7. *Bodin M., Plantin L., Elmerstig E.* Wonderful Experience or a Frightening Commitment? An Exploration of Men’s Reasons to (Not) Have Children // *Reproductive Biomedicine & Society Online*. 2019. Vol. 9. P. 19–27.
8. *Brooks C.* Meaning-Making among Intentionally Childless Women // *International Journal of Transpersonal Studies*. 2019. Vol. 38. No. 1. P. 1–14.
9. *Gedvilaitė-Kordušienė M., Tretjakova V., Krzyżowski Ł.* Women’s Feelings about Childlessness in Two Pro-Natalist Countries // *Polish Sociological Review*. 2020. No. 2. P. 229–244.
10. *Gillespie R.* Childfree and Feminine: Understanding the Gender Identity of Voluntarily Childless Women // *Gender & Society*. 2003. Vol. 17. No. 1. P. 122–136.
11. *Graham M., McKenzie H., Turnbull B., Taket A.* “Them and Us”: The Experience of Social Exclusion among Women without Children in Their Post-Reproductive Years // *Journal of Research in Gender Studies*. 2019. Vol. 9. No. 1. P. 71–104.

12. Gray E., Evans A., Reimondos A. Childbearing Desires of Childless Men and Women: When are Goals Adjusted? // *Advances in Life Course Research*. 2013. Vol. 18. No. 2. P. 141–149.
13. Halcomb L. Men and Infertility: Insights from the Sociology of Gender // *Sociology Compass*. 2018. Vol. 12. No. 10.
14. Harari D., Kroul G. Debating Natalism: Israeli One-Woman Shows on Experiencing Childlessness // *New Theatre Quarterly*. 2019. Vol. 35. No. 2. P. 121–134.
15. Hayfield N., Terry G., Clarke V., Ellis S. “Never Say Never?” Heterosexual, Bisexual, and Lesbian Women’s Accounts of Being Childfree // *Psychology of Women Quarterly*. 2019. Vol. 43. No. 4. P. 526–538.
16. Healey J. Rejecting Reproduction: The National Organization for Non-Parents and Childfree Activism in 1970s America // *Journal of Women’s History*. 2016. Vol. 28. No. 1. P. 131–156.
17. Houseknecht Sh.K. Book Review // *Men and Masculinities*. 2002. Vol. 4. No. 4. P. 409–410.
18. Keizer R., Dykstra P.A., Jansen M.D. Pathways into Childlessness. Evidence of Gendered Life Course Dynamics // *Journal of Biosocial Science*. 2008. Vol. 40. No. 6. P. 863–878.
19. Keizer R., Dykstra P.A., Poortman A.-R. Life Outcomes of Childless Men and Fathers // *European Sociological Review*. 2010. Vol. 26. No. 1. P. 1–15.
20. Knodel J. Book Review: “The Chosen Lives of Childfree Men” by Patricia Lunneborg // *Gender Issues*. 2001. Vol. 19. No. 1. P. 96–98.
21. Koropeckyj-Cox T., Call V.R. A. Characteristics of Older Childless Persons and Parents: Cross-National Comparisons // *Journal of Family Issues*. 2007. Vol. 28. No. 10. P. 1362–1414.
22. Lunneborg P.W. *The Chosen Lives of Childfree Men*. Westport, CT: Bergin & Garvey, 1999.
23. Lynch I., Morison T., Macleod C.I., Mijas M., du Toit R., Seemanthini S. From Deviant Choice to Feminist Issue: An Historical Analysis of Scholarship on Voluntary Childlessness (1920–2013) // *Voluntary and Involuntary Childlessness: The Joys of Otherhood?* / ed. by N. Sappleton. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2018. P. 11–47.
24. Marciano T.D. Male Pressure in the Decision to Remain Childfree // *Alternative Lifestyles*. 1978. Vol. 1. No. 1. P. 95–112.
25. Parr N. Childlessness among Men in Australia // *Population Research and Policy Review*. 2010. Vol. 29. No. 3. P. 319–338.
26. Peterson H., Engwall K. Silent Bodies: Childfree Women’s Gendered and Embodied Experiences // *European Journal of Women’s Studies*. 2013. Vol. 20. No. 4. P. 376–389.
27. Rijken A.J., Merz E.-M. Double Standards: Differences in Norms on Voluntary Childlessness for Men and Women // *European Sociological Review*. 2014. Vol. 30. No. 4. P. 470–482.
28. Settle B., Brumley K. “It’s the Choices You Make That Get You There”: Decision-Making Pathways of Childfree Women // *Michigan Family Review*. 2014. Vol. 18. No. 1. P. 1–22.
29. Smith I., Knight T., Fletcher R., Macdonald J.A. When Men Choose to Be Childless: An Interpretative Phenomenological Analysis // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2020. Vol. 37. No. 1. P. 325–344.
30. Stahnke B., Blackstone A., Howard H. Lived Experiences and Life Satisfaction of Child-Free Women in Late Life // *The Family Journal*. 2020. Vol. 28. No. 2. P. 159–167.

31. Stegen H., Switsers L., de Donder L. Life Stories of Voluntarily Childless Older People: A Retrospective View on Their Reasons and Experiences // Journal of Family Issues. 2020.
32. van Houten J.T., Tornello S.L., Hoffenaar P.J., Bos H.M. W. Understanding Parenting Intentions among Childfree Gay Men: A Comparison with Lesbian Women and Heterosexual Men and Women // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11.
33. Waren W., Pals H. Comparing Characteristics of Voluntarily Childless Men and Women // Journal of Population Research. 2013. Vol. 30. No. 2. P. 151–170.

УДК 316.356.2

Р. Х. Лукманова

R. Lukmanova

Башкирский государственный университет (Уфа, Россия)

ВОВЛЕЧЕННОЕ ОТЦОВСТВО (НА ПРИМЕРЕ КОНКРЕТНОЙ СЕМЬИ)

INVOLVED FATHERHOOD (ON THE EXAMPLE OF A SPECIFIC FAMILY)

Аннотация. В статье рассматривается конкретный случай вовлеченного отцовства. Автор на примере своего отца показывает, какое важное значение имеет способность отойти от стереотипов, собственные цели и ценности, бережное и внимательное отношение к личности ребенка. По мнению автора, вовлеченный отец – это важное условие счастливой и успешной жизни женщины.

Ключевые слова: вовлеченное отцовство, детство, гендерные стереотипы, личностное развитие.

Annotation. The article deals with a specific case of involved fatherhood. Using the example of his father, the author shows how important is the ability to abandon stereotypes, his own goals and values, a careful and attentive attitude to the personality of the child. According to the author, an involved father is an important condition for a woman's happy and successful life.

Keywords: involved fatherhood, childhood, gender stereotypes, personal development.

В современной России идея вовлеченного отцовства становится все более популярной. Молодые люди уже не только не избегают, а даже с интересом рассматривают возможность включиться в воспитание ребенка с первых дней его жизни. Хотя этнокультурные традиции и гендерные стереотипы еще достаточно сильны. Моя семья в этом плане — пример удивительного сосуществования «традиционного» подхода к воспитанию («ты же девочка», «семья, дети — это самое важное», «го-